

Неугасающая ненависть Белой Пагоды

— А у тебя хватает наглости спрашивать, — произнёс Дань Фэн. — Что ваш ничтожный Дворец Небесного Огня и Вечной Весны, без своих сосудов-печей и дня прожить не может?

— Только из-за этих сосудов? — с налитыми кровью глазами прохрипела Белая Свинья. — Мы их содержали, так пусть хоть какая-то польза будет!

Лицо Дань Фэна осталось бесстрастным, но он медленно повернул кисть правой руки.

— Кажется, я забыл тебя избить?

Он и сам был озадачен.

В тот раз ему было не до разбирательств. Кроме того, что он перестрелял насильников, он лишь уничтожил защитную формацию клана, оставив их на произвол судьбы. Разве это не было достаточно милосердно?

Настоятель Дворца Вечной Весны, пав перед ним на колени, грозился пожаловаться Владыке Обители и потребовать справедливости. В ответ Дань Фэн бросил лишь два равнодушных слова.

— Валяй.

Даже если бы тот направил в Пурпурную террасу сотню жалоб, Дань Фэн не смог бы поступить мягче.

Неужели то, что он не начал резню, они приняли за доброту?

И это они называют истреблением?

Нескрываемая ненависть Белой Свиньи, однако, заставила его кое о чём вспомнить.

— После моего ухода... туда приходила тень? — внезапно спросил он.

— Ты испугался, что настоятель пожалуется Владыке Обители, и потому призвал её, чтобы заткнуть нам всем рты! — взвизгнула Белая Свинья, её зрачки безумно задрожали, словно перед глазами вновь возникла та ужасающая сцена. — Демон, это был демон... Все, кто стоял на пути, были убиты, не издав ни звука, не оставив даже останков! Только кровь и пепел! Мы обезумели от страха, бежали, куда глаза глядят, пытались спастись, но формация была

разрушена, и в пролом хлынули воины Сюэлянь! Моё тело, мои руки, мои ноги... А-а-а-а!

Белая Свинья закричала от невыносимой боли, и картина той кровавой ночи, прорвавшись сквозь десятилетний туман, заструилась в воздухе.

— Я вспомнил, — ошеломлённо проговорил Цзинь Добао. — В те годы в Обитель доходили вести, что несколько малых кланов на юго-западе были один за другим уничтожены Сюэлянь. Оказывается, за этим стояла другая причина. Янь Цзывэй, он говорит правду?

Не дожидаясь ответа Янь Цзиньтина, Дань Фэн, с трудом сдерживая ярость, спросил:

— Когда пришла тень?

— Она следовала за тобой по пятам, ты что, сам не знаешь?

Что?

Накануне битвы у Белой Пагоды тень уже была рядом?

Зубы Дань Фэна со стуком сжались, и он раздавил ещё одну Жемчужину, конденсирующую снег. Вырвавшийся холодный пар мгновенно покрыл его брови инеем, но ярость всё равно прорывалась из его глаз.

— Не смей меня дурачить. Если бы это был он, разве воинам Сюэлянь досталась бы хоть кроха?

— До сих пор отпираешься? — прохрипела Белая Свинья. — Давайте! Ищите в моей душе!

— Мы не Сюэлянь, — ответил Цзинь Добао, — мы не владеем такими кощунственными техниками.

— Так подарите мне быструю смерть! — взревела Белая Свинья и, рванувшись вперёд, насадила свою голову прямо на пальцы Цзинь Добао.

Алая бусина с отвратительным смрадом вылетела из её черепа.

Все трое мгновенно узнали её происхождение.

Жемчужина переплавки души!

Этот артефакт использовался воинами Сюэлянь для допросов. Он использовал чувство вины в

сердце человека, чтобы пленить его душу и подвергать бесконечным мучениям. Неудивительно, что эта Белая Свинья так долго продержалась в кармическом пламени.

Цзинь Добао сложил печать, и образы, терзавшие Белую Свинью много лет, спроецировались в воздухе.

Густая ночная тьма.

Девять ярусов сигнальной башни рухнули в одночасье, и пепел взвился в воздух, подобно налитым кровью зрачкам, которые то открывались, то закрывались.

Повсюду были руины, ученики Дворца Небесного Огня в панике разбежались. Это была картина истинного демонического царства. Взгляд Белой Свиньи, затуманенный кровью, скользил по этим сценам, пока не остановился на фигуре, что широким шагом шла по руинам.

Это была высокая, стройная спина, за плечами — клинок Фэнъе, а в руке — огромный лук из алого стекла. Лук был грубой работы, толстый, как рог носорога, и настолько тяжёлый, что для его переноски требовалось несколько человек, но в руке этой фигуры он казался невесомым.

Словно лук ему мешал, проходя мимо очередной сигнальной башни, он небрежно переломил его. Священное оружие, которому днём и ночью поклонялись сотни людей, с треском разломилось пополам и, как гнилая деревяшка, рухнуло на руины, подняв облако пыли.

В этом надменном жесте любой мог узнать Дань Фэна.

Треск ломающегося лука вызвал волну испуганных криков.

Настоятель Дворца Небесного Огня и Вечной Весны сидел на земле, сжимая в одной руке талисман с записью, а другой, дрожа, пытался сложить печать для простейшей техники передачи голоса на тысячу ли, но у него ничего не получалось.

Хозяин не пришвартованной лодки...

В следующее мгновение руки настоятеля расплавились, как белый воск, стекая вместе с плотью. Кроваво-красный силуэт мягко окутал его со спины, и одежды его, казалось, источали кровавый дождь, но он прошёл сквозь настоятеля, как сквозь камень.

Шаг, другой.

Шух!

При их соприкосновении фигура настоятеля исчезла, оставив после себя лишь лужу крови.

Тень не остановилась. Её силуэт был туманным и неясным, руки, ноги и лицо светились изнутри, но там, где она проходила, разворачивалась самая ужасающая и безмолвная резня, какую только можно было представить. Те, кого она касалась одеждой, умирали; те, кто встречался с ней взглядом, умирали; те, кто преграждал ей путь, умирали!

Белая Свинья находилась всего в нескольких чжанах от этой сцены. Глядя, как тень приближается к ней шаг за шагом, она была на грани безумия от ужаса. Её зрачки сузились до тонких линий.

Именно поэтому она смогла разглядеть, откуда исходило это слабое свечение на теле тени.

Это была уцелевшая бледная кожа. На суставах рук и ног даже виднелись кости — холодные, белые, но они были поглощены тенью, сотканной из плоти и крови, и медленно растворялись в ней. Это было похоже на фарфоровую статую бодхисаттвы, опутанную змеями — зрелище, вызывающее тошноту и головокружение, но вместе с тем исполненное запредельной, зловещей красоты.

На руинах, созданных руками Дань Фэна, лотосовый трон истекал кровью, и владыка Шитаваны явился в ночи.

Зловонный ветер нёс с собой пронзительный, странный аромат.

Словно тот, кто вечно принимал подношения благоуханных цветов, всё равно не мог избавиться от запаха смерти.

Какая ужасающая жажда убийства, какая осязаемая ненависть и злоба!

За одно мгновение Белая Свинья от страха закатила глаза и чуть не обмочилась. Когда зрение наконец вернулось, она всё ещё видела ту же тень.

Тень прошла мимо неё, ступая по руинам. Её одежды развевались на ветру, и кровавый дождь лил не переставая, но силуэт её стал немного чётче. Очевидно, за эти десять с лишним шагов ещё невесть сколько людей погибло под её одежаниями.

Такой демон... пощадил её?

Но она тут же поняла, что тень сменила направление не из милосердия. Она плыла, словно призрак, но неотступно следовала за фигурой с длинным клинком за спиной, уничтожая всё, что оказывалось между ними.

Шаг в шаг.

Кровавая дорога, вымощенная горами трупов.

Продолжая убивать, тень двигалась всё быстрее, почти бегом, и наконец, в тот миг, когда Дань Фэн покинул пределы Дворца Небесного Огня и Вечной Весны, протянула руку и коснулась его спины.

Эта рука, окутанная кровавым туманом, способная вселить ужас в любого выжившего, нежно коснулась тени Дань Фэна и, словно изнемогший младенец, тихо свернулась у его ног.

Любой мог видеть, что это существо безгранично доверяло Дань Фэну.

Дань Фэн в проекции, казалось, что-то почувствовал. Он провёл тыльной стороной ладони по щеке, но на ней остался лишь слабый след крови. Такая всепоглощающая жажда убийства его даже не задела.

Но то странное, давно забытое ощущение, похороненное в глубинах памяти, ярко воскресло в нём при виде этой сцены.

Тогда он счёл это лишь брызгами кровавого дождя, не подозревая, что это была первая попытка тени приблизиться к нему.

Неужели Се Хунъи всё это время был во Дворце Небесного Огня и Вечной Весны?

За те три дня, что Дань Фэн провёл там, он, не вынося царившей в нём распутной атмосферы, обошёл все его уголки.

Девять ярусов сигнальной башни... Небесные барабаны Сихэ... Зал огненных практик... Двенадцать извилистых галерей из нефрита, построенных по образу и подобию дворца Чанлю...

Вся эта роскошь не могла сравниться с той серией картин, что тянулась через несколько дворцовых залов — «Ночное путешествие небесной девы, подносящей благовония».

Множество изящных фигур, несущих в руках благоуханные цветы, сидели и лежали в различных позах. Их было несколько десятков. Специальные слуги каждый день протирали их маслом и подновляли краски, так что складки на их одеждах казались настоящими.

Дань Фэн, когда ему нечем было заняться, искал уединения перед этими картинами, и ему казалось, что тонкий аромат, исходящий от одежд небесных дев, пропитывает и его самого.

Дело было не в том, что он внезапно проникся искусством, просто его сердце необъяснимо затрепетало.

И всё же, он запомнил множество лиц во Дворце Небесного Огня и Вечной Весны, но ни разу не видел Се Хунъи.

Он был подобен призраку, восставшему из-под земли. Кроме пронизывающей до костей скорби и ненависти, в нём не было ничего, что указывало бы на его происхождение. Он шёл вперёд, ведомый лишь своей одержимостью.

А это означало, что Се Хунъи последовал за ним вглубь алтаря Белой Пагоды и в конце концов очнулся под меланхоличные звуки мелодии «Плач об увядшей весне».

Это он сам привёл тень туда.

И даже...

Лицо, подобное белому фарфору... руки и ноги из костей... получеловек-полутень... всё это указывало на то, что техника Переделки Тени Се Хунъи тогда ещё не достигла совершенства, и именно поэтому во Дворце Небесного Огня и Вечной Весны остались выжившие.

Именно сто дней, проведённых в Белой Пагоде, позволили ему довести свою технику до совершенства, и именно поэтому воины Сихэ, измождённые в кровавой битве, в самый незащищённый момент, стали жертвами Иллюзии из плоти и крови.

Встреча у Белой Пагоды была не причиной, а следствием, горьким плодом, посеянным в далёком прошлом!

Снова это чувство. Каждый шаг, приближающий его к тени, не приносил облегчения, а лишь усиливал ощущение, будто какая-то часть его самого сгорает вместе с одержимостью Се Хунъи.

Это была невыносимая мука. Все внутренности словно разрывались на части, но он не мог издать ни звука, не мог никому рассказать.

Именно поэтому взгляды его соратников были далеко не дружелюбными.

— Дань Фэн, старый знакомый, значит, — со странной интонацией произнёс Цзинь Добао.

— Возможно, — ответил Дань Фэн.

Эти два слова заставили напряжённые мышцы на щеках Цзинь Добао дёрнуться, словно плотину наконец прорвало.

— Дань Фэн, у тебя ещё хватает совести говорить!

— Разве только твои Клинки Фэнъе защищали алтарь? Да кто стоял в авангарде, когда ты штурмовал его?

— Это же были мои ученики! Они держались до последнего, сжигая свои даньтани дотла, чтобы удержать формацию! Ты видел, как у них из всех семи отверстий шла кровь?

— Они увидели тебя — и только тогда позволили себе выдохнуть, сочтя спасителем. И что же они получили взамен?!

— Прости, второй брат, — тихо сказал Дань Фэн. Его правая рука, словно в ответ, онемела от пронзительного холода.

Цзинь Добао бросился к Зеркалу малого возвращения духа, его пальцы с такой силой пытались что-то сжать, что суставы издали ужасающий хруст.

— К чёрту твои извинения! Дань Фэн, отвечай, что ты принёс им этой рукой?

— А теперь ты говоришь мне, что сам привёл туда эту тень? Не носи чушь про то, что тебя контролировали! Она же так тебя слушалась, как же так вышло, что она... перестала тебя слушаться?

— Он меня не слушался, — сказал Дань Фэн. — Я просто... случайно оказался у него на пути.

В этот момент его голос, из-за крайнего спокойствия, приобрёл жестокие нотки.

— Янь Тайцзунь, — сказал Дань Фэн, повернувшись к Янь Цзиньтину, — мне больше не нужно подтверждение, я сам во всём разберусь. Но окажи мне ещё одну услугу.

— Не провоцируй Цзинь Добао, — ответил Янь Цзиньтин.

— Сотри его имя из Зеркала малого возвращения духа, он не из Сюэлянь. И не вмешивайтесь в это дело.

— Дань Фэн, ты всё ещё хочешь его защищать? — взревел Цзинь Добао, и из его растопыренных пальцев вырвался золотисто-красный свет.

Дань Фэн, словно от сильного удара, рухнул на колени. Всё его тело пронзило сияние, и мышцы на спине вздыбились, как от удара молнии.

На его шее всё это время было кольцо толщиной в полцуня — оковы, которые не сняли с него даже после освобождения из озера Ганьцзян.

Алые оковы-арбалет Чжужуна!

Эти оковы были созданы специально для высокопоставленных предателей Обители. Когда они активировались, боль пронзала саму душу. Если бы все главы пиков управляли ими одновременно, они могли бы разорвать его на части.

— Вы... кто бы то ни был... если посмеете... использовать Зеркало... чтобы найти его... вас ждёт верная смерть, — сквозь зубы, прерывисто произнёс Дань Фэн. — Что до меня... я тоже хочу знать... почему!

Глаза Цзинь Добао налились кровью. Он продолжал усиливать действие оков, но пот лил с его лица ручьём, словно он сам испытывал эту муку.

— Схватить его? Боюсь, как только ты освободишься, тут же побежишь к своей тени, чтобы жить с ней долго и счастливо!

— Хватит, — сказал Янь Цзиньтин, схватив Цзинь Добао за правую руку.

Цзинь Добао гневно посмотрел на него.

— Янь Цзиньтин, опять ты. Если бы не твоё заступничество, разве он гулял бы на свободе до сих пор?

— Ты не сможешь его убить. Его оставили в живых из-за его правой руки, — ответил Янь Цзиньтин.

Лицо Дань Фэна исказилось от боли, но он поднял глаза.

— В те годы я ещё не обрёл Дхарма-облик Биань, поэтому вы не поверили мне до конца, — сказал Янь Цзиньтин, и его духовный облик отбросила глубокую, изменчивую тень. — Все меридианы на его правой руке были разорваны, а суставы — раздроблены. В момент, когда его разум оказался под чужим контролем, он пытался покончить с собой, но это не помогло. Такова была и воля Владыки Обители. К тем, кто погиб в тот день, не нужно добавлять ещё одного.

Его голос был спокоен, но в нём звучала твёрдость стали. Он слегка усилил нажим, и ладонь

Цзинь Добао дрогнула.

— К тому же, второй дядя, в тот день, когда собрались все главы пиков, ты тоже был среди тех, кто не смог привести приговор в исполнение, — сказал Янь Цзиньтин. — Раз нет намерения убивать, не стоит причинять боль ни себе, ни другим.

Лицо Цзинь Добао дёрнулось, и он вдруг рухнул на землю и зарыдал.

— Чем он заслужил милость Владыки Обители, и почему, чёрт возьми, он мой младший брат! Если мы отпустим его сегодня, кто знает, кто ещё погибнет от его руки завтра!

Взгляд Дань Фэна затуманил горячий пот. Глядя на него, он тоже почувствовал боль.

Многолетняя братская дружба, как она могла быть фальшивой?

Он был рождён под несчастливой звездой, и в этой жизни у него не должно было быть семьи. Но старый Владыка Обители разглядел в нём талант и приютил его. Самые яркие годы своей юности он провёл в Обители Сихэ.

Они шутили, мерились силами на мечах, сражались плечом к плечу.

Это были закаты над владениями Сихэ, когда истинный огонь братьев сливался воедино, и они ковали мечи под звуки «Песни бога огня, скорбящего о солнце»; это были бесчисленные ночи, проведённые в железной лодке за изучением канонов, когда задремавших сталкивали в озеро, и во все стороны летели искры; это были, после начала снежной напасти, бесчисленные жестокие битвы, угольные тени и пепел павших товарищей.

Цзинь Добао хотел убить его, но в последний момент не смог. Он видел это. Многие подозревали его в том, что он метит на место Владыки Обители, но Янь Цзиньтин отверг все обвинения и в трудный час защитил врата Сихэ. Он этого не забыл. Даже Владыка Обители, тяжело раненный по его вине, в короткий миг просветления приказал выпустить его из озера Ганьцзян.

Хоть обладатели духовного корня огня и были вспыльчивы и яростны, как пламя, их дружба была выкована из чистого золота.

Предать такую доброту...

Как можно было это вынести?

Но короткие мгновения, проведённые с Се Хунъи, были тяжелее свинца, и капля за каплей они топили его сердце.

Не столько золотое кольцо на шее разрывало его на части, сколько иллюзия из плоти и крови, где с одной стороны была тень, а с другой — его клан, и две эти силы раздирали его жизнь надвое.

Янь Цзиньтин мягко отвёл руку Цзинь Добао, и его взгляд, устремлённый на Дань Фэна, стал холодным.

— Неважно, из Сюэлянь тот человек или нет, каково его происхождение. Одного того, что он сделал с Обителью Сихэ, достаточно. Дядя, не совершай глупостей!

Дань Фэн схватился за всё ещё болевшее горло, размял шею и выдохнул.

— Сяо Янь, иногда я тебе по-настоящему завидую.

— Мне? — удивился Янь Цзиньтин.

— Ты когда-нибудь сожалел?

Янь Цзиньтин покачал головой.

— Тебе бывало стыдно?

— За что?

Дань Фэн громко рассмеялся.

— Твой клинок ещё не был зазубрен. Любовь и ненависть ясны, добро и зло разграничены — что может быть лучше?

— Фэнъе тоже когда-то был хорошим клинком, — сказал Янь Цзиньтин.

— Был.

— Но когда ты в гуще событий, ведомый лишь инстинктом, окружённый туманом, на кого ты направишь свой клинок? Сомнения, ненависть, надежда, неверие — всё это словно клинок в горне. Каким он будет, когда его извлекут? Будет ли он всё ещё клинком?

Дань Фэн продолжил:

— Шаг вперёд — и ты в бездне невозврата... Знаешь, почему второй брат не может меня убить?

— Не льсти себе! — крикнул Цзинь Добао.

— Он слишком мягкосердечен, — сказал Янь Цзиньтин.

— Мягкосердечен? Если на этот раз вы не приведёте ко мне Тень в снегу, я вас обоих живьём забью! — прорычал Цзинь Добао.

— Тень в снегу уже однажды управляла тобой, и мы до сих пор не знаем, как, — заметил Янь Цзиньтин.

Дань Фэн на мгновение замолчал.

— Кто кого поймает — это ещё вопрос!

Золотое кольцо на его шее всё ещё пылало, как лава, но постепенно остывало, впитываемое его плотью, и становилось застывшим, тёмно-красным.

Дань Фэн опёрся на свой клинок и с трудом поднялся, поглаживая знакомое кольцо с изображением небесного зверя. Сердце, смягчённое серебряным браслетом, то становилось твёрдым, как железо, то неудержимо трепетало.

В былые годы, когда он этим кольцом казнил предателей, он и не думал, что однажды оно окажется на его шее.

Кто спросит, кто сможет снять золотой колокольчик с шеи зверя?

<http://bllate.org/book/16978/1588665>